

М. М. Фрейденберг

РОДСТВЕННЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ

В ДАЛМАТИНСКОЙ ХОРВАТИИ В XI—XVI вв.

Югославские исследователи с давних пор весьма усердно изучают проблемы, связанные с сохранением семейной общины (особенно в горных районах страны)¹. Твердо установлено существование здесь двух типов этой общины — «отцовской» семьи, во главе которой стоит отец со своими прямыми потомками, и так называемый «братской» семьи². Исследования, проводившиеся в Боснии, Герцеговине и Далмации, позволяют заключить, что в этих областях преобладает второй тип семейной общины — «братская» (bratinska) семья, состоящая из нескольких братьев с их потомством и управляющаяся выборным старейшиной³. В связи с этим возникает вопрос: какова та община, которую удастся реконструировать по средневековым источникам XI—XVI вв.?

За последние годы в югославской литературе возник устойчивый интерес к проблемам «братства» и «племени», которые подвергаются исследованию с социологической⁴, исторической⁵ и этнографической точек зрения⁶. Накопленный материал позволил по-новому подойти к оценке этих институтов — исследования М. О. Косвена дали возможность истол-

¹ О. М. Utešeno vić, *Die Hauskommunion der Südslaven*, Wien, 1859; V. Bogišić, *Zbornik sadašnjih običaja Južnih Slovena*, Zagreb, 1874; В. Поповић, *Задруга* (теорије и литература), «Гласник земалског музеја у Босни и Херцеговини» (далее — ГЗМ, GZM), 33—34, Сарајево, 1921—1922; О. Mandić, *Klasni karakter buržoaskih teorija o posntanku zadruga*, «Историско-правни зборник», 3/4, Сарајево, 1950, стр. 131—150.

² М. О. Косвен, *Семейная община и патронимия*, М., 1963, стр. 70—88.

³ Особенно подробно о «братской» общине (противопоставление семей «братских» и «синовских», состав «братской» семьи — несколько «ступов», колен; избрание двух «стопаниц» (домачиц) — «скоромной» (старшей) и «постной», см. N. F. Pavković, *Društvene i običajno-pravni ustanove (u Umljanima)*, GZM, Etnologija, 1962, стр. 124—136. Существует мнение, согласно которому существование «братской» семьи связано с сохранением пережитков матриархата. S. Kulišić, *O postanku slovenske zadruga*, «Bilten Instituta za proučvanje folklor», sv. 2, 1955, Сарајево, стр. 48 и сл.; его же, *Matrilokalni brak i materinska filijacija u narodnim običajima Bosne, Hercegovine i Dalmacije*, GZM, Etnologija, 1958, стр. 51 и сл.

⁴ О. Mandić, *Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj*, «Historijski zbornik» (далее — HZ), V, 1952, стр. 225—298.

⁵ О. Mandić, «Pacta-conventa» i «dvanaest» hrvatskih bratstava, HZ, XI—XII, 1959, стр. 165—2 об.; N. Klaić, *Postanak plemstva «dvanaestero plemena kraljevine Hrvatske»*, HZ, XI—XII, стр. 121—163; Рен. Н. К л а и ч на О. М а н д и ć «Pacta conventa», HZ, XIII, 1960, стр. 303—318; О. М а н д и ć, О једној «recenziji», там же, стр. 318—320; N. Klaić, О једној «научној» diskusiji, HZ, XIV, 1961, стр. 259—267.

⁶ Ј. Вукмановић, Паштровић, Антропоеографско-етнолошка испитивања, Цетинье, 1960, гл. VI, XII (см. нашу рецензију на эту книгу в журн. «Сов. этнография», 1961, № 5, стр. 187—189); S. Kulišić, *Arhaično bratstvo u Crnoj Gori i Hercegovini*, GZM, Etnologija, 1957, стр. 155—157; его же, *O postanku i karakteru našeg «bratstva»*, «Pregled», god. IX, knj. 1, Сарајево, 1957, broj 2—3, стр. 133—138.

ковать «братство» в качестве одной из форм патронимии⁷. Обратившись к рассмотрению средневекового материала, характеризующего хорватское «братство», мы ставим перед собой задачу выяснить, насколько он соответствует нашему представлению о патронимии или дополняет это представление новыми чертами⁸.

Памятники раннего хорватского средневековья в самое последнее время были подвергнуты исследованию Ю. В. Бромлеем, построившим на этой основе свою концепцию развития родственных коллективов в Далматинской Хорватии раннего средневековья⁹. Ю. В. Бромлей рассматривает все встречающиеся в актах XI в. случаи упоминания родственников, подвергает анализу имущественные ситуации (главным образом сделки отчуждения недвижимости), в которых они встречаются, и оценивает возможность ведения совместного хозяйства большинством названных в актах родственников. Родственный коллектив, который ведет такое хозяйство, он считает возможным охарактеризовать как «братскую» («фратриархальную») большую семью. В тех случаях, когда группы родственников не связаны коллективным хозяйством, они тем не менее сохраняют известные права на имущество сородича, в частности право предпочтения и ряд других. В составе таких родственных групп первостепенное место принадлежит братьям до третьей степени родства и сохраняются связи между мужчинами-родственниками по материнской линии. Эти родственные коллективы, возникающие в результате распада большой семьи, по мнению Ю. В. Бромлея, следует называть не патронимиями, а «сегментированными семейными общинами», ибо такое наименование наиболее полно отражает тот факт, что они возникают на базе разложения не только «отцовской», но и «братской» общины¹⁰. Рассмотрение материала, относящегося к истории «племен», позволяет Ю. В. Бромлею прийти к вы-

⁷ М. О. Косвен, Указ. раб. 167; М. М. Фрейденберг, К вопросу об общине на Балканах (Проблемы общины в югославской историографии), «Византийский временник», т. XXI, 1962, стр. 198—209; его же, «Вервь» в средневековой Хорватии, «Уч. зап. Великолуцкого педагогического ин-та», вып. 15, 1961, стр. 27—47; его же, «Новиградский сборник» как источник по социально-экономической истории Хорватии, «Славянский архив», 1962, стр. 28—58.

⁸ Характерен интерес, с которым была встречена в югославской литературе последняя книга М. О. Косвена. О. Мандич в принципе присоединился к выводам Косвена, Ш. Кулишич же не счел возможным принять характеристику «братства» как патронимии, настаивая на своем прежнем определении «братств» и «племен» в качестве патриархального фода. См. рецензию О. Mandić, HZ, XVII, (1964), стр. 473—476; S. Kulišić, O zadruzi i patronimji (povodom knjige M. O. Kosvena), «Etnoloski pregled», 5, Beograd, 1963, стр. 67—69, 75 сл.; см. также: S. Kulišić, Tragovi arhaične rodovske organizacije i pitanje balkansko-slovenske simbioze, Beograd, 1963; см. нашу рецензию на эту книгу в журн. «Сов. этнография», 1964, № 5, стр. 165—167.

⁹ Ю. В. Бромлей, Становление феодализма в Хорватии (К изучению процесса классообразования у славян), М., 1964, гл. III «Семейная община и коллективы родственников, не ведущих совместного хозяйства», стр. 127—197.

¹⁰ «...Если совершенно естественно предполагать,— пишет Ю. В. Бромлей,— что коллектив родственников, возникший при распаде отцовской большой семьи, мог иметь патронимическое... наименование, то в отношении коллективов, сложившихся на основе демократической братской большой семьи, такое предположение представляется менее вероятным» (Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 182—183). По этому поводу можно заметить, что сегментация — это скорее начало процесса разложения, но еще не окончательный распад семейной общины (см. М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 65) и что термин «сегментированная семейная община» создает впечатление, что под ним скрывается еще существующая большая семья, а между тем эта семья уже распалась, она — в прошлом. Но еще важнее обратить внимание на то, что родственные коллективы, возникшие в результате распада семейной общины, как правило, носят патронимические названия. Очевидно, демократический характер «братской» семьи не мешает ее членам помнить о своем отце (предке). Термин «патронимия» тоже не безупречен (он фиксирует, внимание лишь на происхождении родственного коллектива), но новое понятие «сегментированная семейная община», нуждается, на наш взгляд, в еще больших уточнениях.

воду, что этим термином могли обозначаться и сонаследники, и «сегментированные семейные общины», и что возникновение ряда «племен» в (частности «двенадцати племен») восходит еще ко времени, предшествующему переселению хорватов на Балканы¹¹.

Более поздние источники, использованные нами, датируются XV и даже XVI вв. Было бы заманчиво отыскать в этих памятниках следы ныне существующих отношений¹². Однако следует помнить, что на древние родственные связи в Далмации в XV—XVIII вв. наслонилось воздействие демографических сдвигов и миграций. Так, в конце XVIII в. на Задарские острова переселилось более 15 тыс. чел. из Боснии, где всегда были сильны родо-племенные отношения¹³, после чего на островах заметно укрепляются большесемейные связи¹⁴. Поэтому в Далмации, где с одной стороны ощущалось воздействие скотоводческой округи¹⁵, а с другой — влияние приморских островов, установить прямую взаимосвязь между средневековым и современным материалом удается далеко не всегда. В силу этого мы ограничиваем свою задачу изучением памятников XI—XVI вв. — древнехорватских грамот и монастырских картуляриев; городских нотариальных книг XIII—XIV вв.; коммунальных статуты и сельских судебных книг XIII—XVI вв.

* * *

Одной из форм родственной организации в источниках XI в. являются группы родных братьев. В картуляриях Супетарского (из-под Сплита) и Роговского (из-под Биограда Приморского) аббатств зафиксирована серия сделок, в которых братья совместно продают земли, выступая тем самым в качестве совладельцев¹⁶. Изредка братьев объединяет не только совладение, но и совместное ведение хозяйства. Таковы сыновья Вишена, продающие пашню вместе с лесом и каменистыми угодьями, т. е. по-видимому, весь крестьянский надел¹⁷, или Вилкмир с Предой, уступающие общий двор (*curtis*) и получающие трудно поддающуюся разделу плату — коня¹⁸.

¹¹ Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 133—144, 149, 152, 164—165, 172, 182, 195—196.

¹² Так, материал Дубровницкого статута 1272 г. и некоторых актов XIV в. послужил Ш. Кулишичу основанием для решения вопроса о сохранении института матрилокального брака (см. S. Kulišić, Matrilokalni brak, стр. 52).

¹³ S. Kulišić, Matrilokalni brak i materinska filijacija u narodnim običajima Bosne i Hercegovine i Dalmacije (dopuna), GZM, Etnologija, 1959, стр. 309.

¹⁴ Автор, описавший с. Преко на о-ве Угljan (против Задара), нашел там такую часть села, как «двор», носившую общее имя (Сорици, Нижичи и т. д.) и состоявшую из нескольких семей, среди которых часто встречались большие (J. M., Preko, Povjesne, geografske, folkloristične i kulturne crtice, Dubrovnik, 1924).

¹⁵ О переселениях скотоводов-влахов и сохранении в их среде родо-племенных отношений см. «Симпозијум о средњовјековном катуну одржан 24. и 25. новембра 1961 г.» Сарајево, 1963.

¹⁶ Это сыновья некоего Добрачи, сыновья Стефаницы, Семина с братом, братья Друган и Болян, Хроватин и Лютострах, сыновья Семидрага, Зовина с братом, пять братьев из Нина; см. «Documenta historiae croaticae periodum antiquum illustrantia» ed. F. Rački, Zagreb, 1877 (далее — Doc.), № 63a—в, стр. 173, № 71; «Supetarski kartular», ed. V. Novak et P. Skok, Zagreb, 1952 (далее — SK), № 9, 17, 20, 38. О том, что пятеро дарителей, по-видимому, составляли семейную общину, см. Е. А. Ефремов Земельные отношения и сельская община в Далматинской Хорватии в X—XI вв., «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XXIV, 1962, стр. 298; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 132. Это косвенно признает даже О. Мандич, вообще-то отрицающий существование семейных общин в Хорватии (О. M a n d i ć, Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj, стр. 258). О наличии в этом акте свидетельств существования «верви» см. М. М. Фрейденберг, «Вервь» в средневековой Хорватии, стр. 29—30.

¹⁷ SK, № 82.

¹⁸ SK, № 95; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 132.

Круг родственников, совместно владеющих землей или ведущих общее хозяйство, нередко включает в себя двоюродных братьев, дядей с племянниками или лиц неопределенной степени родства — *parentes, propinqui*¹⁹. Так, жупан Петр Семивит вместе с сыном и группой *propinquiōes* дарит задарскому монастырю св. Марии свою церковь в Обровце²⁰. Платон, сын архипресвитера вместе со своим дядей по матери (*suo avunculo*) и еще одним кровным родственником (*suo consanguineo*) дарит участок земли монастырю св. Иоанна²¹. А вот уже совсем широкая группа — некий *Bozza* «со своими братьями и всеми родственниками» продает землю знатному сплитскому горожанину Петру Черному²².

Таким образом, удается установить, во-первых, что в XI в. в районах Сплита и Биограда Приморского существовали родственные группы, объединенные реальным правом коллективной собственности на землю, и, во-вторых, что состав этих групп был достаточно узок — он не превышал трех поколений. Но являются ли эти родственные группы семейными общинами? Доказать это можно только в том случае, если бы удалось всякий раз обнаруживать в их среде признаки существования совместного хозяйства. Недаром Ю. В. Бромлей, исследовавший эту тему, ставит вопрос о том, какие признаки свидетельствуют в актах о его наличии²³. Однако этих признаков в источниках раннего средневековья на редкость мало. В связи с этим возникает вопрос: насколько вообще правомерно отыскивать признаки существования коллективного хозяйства в наших источниках, т. е. в актах отчуждения земли? Ведь его можно обнаружить лишь в тех случаях, когда братья продают не просто участок земли, а единый хозяйственный комплекс, например, двор. А между тем в южно-славянских землях в течение столетий существовала определенная хозяйственная тенденция — наследственную землю, «баштину», крестьяне старались не продавать, они держались за нее из последних сил, считая ее отчуждение делом недостойным и постыдным²⁴.

Стоит только учесть это важнейшее условие поземельной практики в далматинской деревне, как станет ясно, почему братья так редко отчуждают хозяйственные комплексы в целом: они входят в состав наследственного имущества. Поэтому нам кажется, что в силу особого характера раннесредневековых источников из Хорватии историк просто не может располагать уверенными свидетельствами о наличии коллективного хозяйства в семейных общинах и для доказательства существования этих общин приходится довольствоваться отмеченными выше данными о коллективной собственности родственников.

Несколько более подробные сведения о составе большой семьи и отношениях внутри ее сообщают акты XII в. Так, суд о-ва Раб в 1177 г. признал справедливым и двенадцать жителей подтвердили клятвами

¹⁹ SK, № 32, 35, 52, 82; Doc., стр. 164. Труднее установить наличие большой семьи в тех случаях, когда дарителем или продавцом являются отец с сыном (SK, № 8, 23) и Ю. В. Бромлей прав, отказываясь признать за такими отношениями большесемейный характер (Указ. раб., стр. 148—149).

²⁰ Почти одновременно он дарит другому задарскому монастырю св. Кршевана землю в том же Обровце вместе с братом Славичей. Подробный анализ обоих актов см. Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 134—136.

²¹ Doc., № 133, стр. 170. Сходный характер имеет акт из-под Трогира 1271 г., когда двое племянников вместе с их дядей совместно входят во владение виноградником (Trogirski spomenici, ed. M. Barada (далее — TS), Zagreb, I (1948), II (1950). III (1951), I, 181—182).

²² SK, № 16.

²³ Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 132—133, 144.

²⁴ Полещикий статус, «Капитул од башинь»: «ча е стара башина, ка е ошаста од првиль... да не подобно, да ю камо страсти ни обрати брезь велике неволе» (см. также М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 56).

старый обычай, гласящий, что священник может стоять во главе семейной общины²⁵. Такое решение оказалось необходимым потому, что долгое время оставалось неясным, кому должна подчиняться такая семья во главе с попом — князю острова или его епископу. Суд решил этот вопрос в пользу последнего, и самая возможность подобной тяжбы, потребовавшей апелляции к народным обычаям, свидетельствует о распространенности задруг, во главе которых стояли священники, а уж тем более о распространении большесемейных отношений.

Решение суда на о-ве Раб поднимает завесу и над внутренней структурой больших семей. Оказывается, священник-домачин вовсе не старший по возрасту; старшей здесь является мать-вдова, и обычай гласит, что мать вместе с остальными членами семьи должна быть подчинена сыну-клирику. Еще более определенно о домачине из числа братьев повествует акт дарения Крешена Брайи. Акт совершается Крешеном вместе с его младшим братом и другими близкими, для которых традент является главой (*quibus ego carui sum*)²⁶. Характерно, что такому демократическому способу управления домашней общиной, когда во главе ее оказывается один из братьев, сопутствует и демократический порядок распоряжения имуществом: сделка совершается от имени всех членов семьи. Такой рисуется в источниках большая семья, родственный коллектив²⁷, связанный совместным хозяйством²⁸.

Ю. В. Бромлей был совершенно прав, определив большинство семейных общин XI в. как «фратриархальные» или братские семьи²⁹. Можно сомневаться в степени распространенности подобных семей, но самый факт их существования уже в XI—XII вв. неоспорим, и так было не в одной Далмации.

Поземельная опись деревень из-под Пулы (южная Истрия) XII в.³⁰ неоднократно называет не только *consortes*, но и *confratres*, совместно уплачивающих ренту и даже специально записанных в особые податные графы. В них названы коллективы, состоящие из двоюродных братьев и

²⁵ «Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae», ed. T. Smičiklas (далее — SD), vol. II, Zagreb, 1904, стр. 151 (177—178).

²⁶ CD, II, стр. 165.

²⁷ Остается неясным, почему Е. А. Ефремов отказывается согласиться с мыслью о родственных связях, как одной из основ большесемейных отношений, считая ее измышлением буржуазных ученых («В вопросе происхождения задруги буржуазные исследователи придерживаются теории, по которой в основу задружных отношений принимаются родственные отношения, что вряд ли может быть принято как удовлетворительное объяснение...»). (Е. А. Ефремов. Указ. раб. стр. 306, прим. 148). Он ссылается в доказательство своего несогласия на то, что «задруги существовали вплоть до последнего времени», но ведь и в XX в. задруга не перестала быть родственным коллективом!

²⁸ Любопытный случай восстановления совместной собственности родственников сообщает акт 1457 г., недавно опубликованный С. Антоляком. Священник Петр Микулин Кршавич заключает со своей сестрой и ее мужем договор, предусматривающий объединение всего их имущества: «...как виноградника, так и лодки, и посуды, и одежды, ночной и дневной... и всей домашней утвари...» (*Taco Tarsie, taco vasseli, taco badagn, taco suite pochno taco Vadagne, taco fsache massarie*), и этим совместным имуществом объединившиеся родственники должны пользоваться в течение 10 лет (S. Antoljak, *Miscellanea croatica et macedonica*, «Годишен зборник на филозофскиот факултет на универзитетот во Скопје», кн. 14, 1962, стр. 89—92). Не приходится отрицать специфики этого акта: он касается только двоих — брата и сестры, оформлен на юридической, а не на общинноправовой основе, носит временный характер, но тем не менее в его основе, по нашему убеждению, лежит возврат к общему пользованию некогда разделенным большесемейным имуществом.

²⁹ Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 149. Нам непонятны в этой связи возражения С. А. Никитина, поставившего под сомнение как самую возможность существования «братской» семьи, так и наличие этих семей в Хорватии XI в. (см. С. А. Никитин, Рецензия на книгу Ю. В. Бромлея, «Советское славяноведение», 1965, № 5, стр. 73).

³⁰ C. de Franceschi, *L'antica abbazia di S. Maria del Canneto in Pola e un suo registro cesuario del secolo XII*, «Atti e memorie della Società istriana del archeologia e storia patria», vol 39, Pola, 1927, стр. 326.

племянников (*cum suis consobrinis, cum suis nepotibus*), причем в ряде случаев (15 из 346 тягловых единиц) эти коллективы платят повышенную ренту. В других случаях (их 20) семья из нескольких братьев вносит ничтожный чинш. Возможно, что в первом случае дает себя знать многочисленность плательщиков, но как бы то ни было, в этой описи из Истрии мы сталкиваемся с тем качеством семейной общины, которое обычно ускользает от нас в далматинских документах, — ее податным единством.

В югославской литературе существует мнение, что семейная община на далматинском побережье исчезает уже в XI в., разлагаясь под воздействием городской жизни³¹. Чтобы проверить правильность этой мысли, имеет смысл рассмотреть, в какой мере сохранились большесемейные отношения в самих городах, обратившись для этой цели к анализу положений, существующего в трех достаточно удаленных друг от друга центрах — в Задаре, Трогире и Дубровнике.

Семейное право в Задаре (по городскому статуту 1305 г.) не содержит никаких элементов большесемейных отношений³². Однако в окрестностях города и на островах в списках крестьян нередко встречаются семьи, состоящие из нескольких братьев³³. Иное положение в Трогире в конце XIII в. Правда, и здесь преобладает малая семья и общим правилом является отделение взрослых сыновей от отцов³⁴, но тем не менее даже в городе, а также ближайшей округе сохраняется общая собственность дяди с племянником³⁵, чувствуется влияние славянского права³⁶, «многие живут с отцом»³⁷, т. е. сохраняются большесемейные коллективы. Чрезвычайно характерен порядок продажи земли, принятый в Трогире — здесь продавец получал не только деньги, но и кусок бесплодной земли где-нибудь вблизи города, знак того, что продажа земли рядилась в форму обмена³⁸. По мнению исследователей, этот обычай был связан с необходимостью обойти право предпочтения, которым

³¹ O. Mandić, *Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj*, стр. 261—262.

³² См. I. Beuč, *Statut zadarske komune iz 1305 godine*, «Vjesnik državnog arhiva u Rijeci» (далее — VDAR), II, 1954, стр. 584—603.

³³ «Spisi zadarskih bilježnika Henrika i Creste Tarallo, 1279—1308». Ed. M. Zjajić, Zadar, 1959 (далее Spisi), стр. 18, 24, 104, 116, 156, 187, 205; SD, III, 338, VII, 124, 125—126, 292; VIII, 364, 447; X, I, 399, 504; XI, 197, 348. Особенно характерны упоминания большой группы братьев — четырех — пяти чел.: дело явно идет о большесемейном коллективе (см. Spisi, стр. 20; SD, VII, 300; IX, 273; X, 417). Характерно при этом, что такие группы братьев встречаются в индивидуальных сделках. В грамотах, носящих массовый характер (например, в случаях коллективного заключения арендных договоров целыми селами), они почти не встречаются или упоминаются порознь (см., например, списки 20, 12, 16, 19, наконец 60 домохозяев из сел Бресто, Лукоран, Брдо, Черодол CD, IV, 5—6; V, 407, 437, 457; VI, 219). Утверждение В. Новака, что в с. Бресто все крестьяне принадлежат «к одной или нескольким родственным задругам», ни на чем не основано (см. «Zadarski kartular», Zagreb, 1959, стр. 210).

³⁴ Несовершеннолетнего пастуха не привлекают к суду, а ждут, пока он войдет в возраст и отделится от отца (*fuertit divisus a patre suo*, TS, I, 208), то и другое совершается, по-видимому, одновременно. Акты отделения взрослых сыновей («эмансипации») настолько регулярны, что исследователи учитывают их статистически, пытаются по ним воссоздать численность городского населения (M. Mirković, *Ekonomski odnosi u Trogiru u XIII stoljeću*, HZ, IV, 1951, тр. 35—36).

³⁵ TS, I, 6376.

³⁶ «По славянским обычаям сестра не должна иметь доли в наследстве» — это правило продолжает действовать в Трогире (TS, I, 500). Сохраняется также право предпочтения (TS, I, 331); A. Cvitančić, *Neki elementi pravnog položaja žene u srednjovjekovnom Trogiru*, «Zbornik radova pravnog fakulteta u Splitu», II, 1964, стр. 71—72.

³⁷ TS, III, 73, (1272).

³⁸ TS, I, 5, 81, 29, 92 et passim; CD, IV, 143; V, 139. Существование этого обычая отметил М. Костренчић (M. Kostrenčić, *Bezujetije*, «Mjesečnik hrvatskog pravničkog društva», XL, Zagreb, 1913, стр. 550—556).

пользовались родственники³⁹. Таким образом, поземельная практика в городе сформировалась под воздействием необходимости все время учитывать права родственных коллективов. Наконец, картина распространения семейных общин в Дубровнике, которую рисуют статут 1272 г. и актовый материал, давно уже используется для доказательства славянского воздействия на жизнь города⁴⁰. В Дубровнике, действительно, бытуют принятые в окрестных сербских и боснийских селах больше-семейные порядки — несколько братьев живут вместе (*in communitate aliorum fratrum*), распространена совместная собственность родственников, отчетливо сформулирован принцип, на котором строится «братская» семья — *pater sine voluntate filiorum aliquid donare non possit*. Ни в одном городском статуте из Далмации семейная община не охарактеризована с такой отчетливостью, как в дубровницком⁴¹.

Таким образом, и в ближайшей к городу округе, а в отдельных случаях и в самих городах сохраняются устойчивые родственные коллективы. Следовательно, нет никаких оснований считать, что городская жизнь противопоказана большесемейным отношениям, таким образом, возникают дополнительные основания сомневаться в том, что семейная община распадается на побережье уже в ранний период существования городов, в XI веке.

* * *

Обратимся теперь к историческим корням той родственной группы, которая в современной литературе фигурирует обычно под названиями «братство» и «племя» (*pleme*). Путь к ее характеристике идет через анализ понятий *propinqui*, *parentes*⁴². Последние чаще всего обозначают, если не коллективных собственников⁴³, то, во всяком случае, носителей права контроля за отчуждением земли: их согласия спрашивают каждый раз, продавая или даря землю⁴⁴. Видимо, для того, чтобы пресечь претензии родственников, сплитский приор Черный (*Cigne*) оговаривает, что церковь Марии на Болоте, полученная им от своего отца и подаренная монастырю св. Стефана, изымается из наследования сородичей (*non in consanguineorum hereditatem*)⁴⁵. Подобную оговорку делает и аббат сплитского монастыря св. Стефана Добро⁴⁶. Монахиня Века жалуется на то, что после смерти мужа тесть лишил ее наследства, отдав его сыну, прижитому от какой-то женщины. Судя по тому, что эта женщина презрительно именуется *Sclavuncula*, сама Века и ее родичи являются лицами романского происхождения. Апеллируя к суду, Века ссылается на то, что ее тесть действовал под влиянием родственников

³⁹ Такую точку зрения выдвигает Г. Ф. Шмид (*H. F. Schmid, Dalmatinische Stadtbücher, «Zgodovinski časopis», VI—VII, Ljubljana, 1952—1953, стр. 346—348*), возводя этот порядок к позднеримским временам. Более прав М. Хорват, видящий в нем проявление славянского обычного права (Рецензия на работу Г. Ф. Шмида в *NZ*, IX, 1956, стр. 199—200).

⁴⁰ См. об этом П. Манкен, *Дубровачки патрициат у XIV века*, Београд, 1960, стр. VIII—IX.

⁴¹ «*Liber statutorum civitatis Ragusii*», ed. V. Bogišić et C. J. Jj reček, «*Monumenta historico-juridica Slavorum Meridionalium*», vol. IX. lib. IV, cap. 51—59; см. И. Манкен, Указ. раб., стр. 16—20.

⁴² Подробный анализ свидетельств о *parentes* в актах XI в. см.: Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 147, 159.

⁴³ Иногда они, впрочем, выступают и в этой роли — судья Болеслав дарит церковь св. Мартина в Шумете от имени всех своих *propinqui* (CD, II, стр. 25).

⁴⁴ Дочь задарского приора Чика основывает монастырь св. Марии с согласия своих ближайших родственников (*consanguineis propinquis*), Doc., № 50, стр. 66; V. Novak, *Zadarski kartular*, Zagreb, 1959, стр. 17—39.

⁴⁵ Doc., № 44, стр. 61.

⁴⁶ Doc., № 120, стр. 121.

(*verbis suorum deceptus propinquo*)⁴⁷. Права родственников были иногда настолько значительны, что их приходилось учитывать в денежном выражении. Так, аббат Роговского монастыря, выкупая у короля землю состоятельной собственницы Варвары за 40 солидов⁴⁸, оказался вынужденным заплатить за нее родичам (*parentibus*) вдовы 15 сол. отступного⁴⁹. Последние примеры исходят из Сплита, это дополняет наши представления о родственных коллективах в городах.

Но вот примеры существования таких коллективов на селе. Супетарский картулярий сообщает об ущербе, который нанес Петру Черному некий Людин и компенсацию за который взяла на себя родственники Людина — его *parentes*⁵⁰. Оказывается, что, во-первых, в состав этих *parentes* входит несколько семей, возможно, даже больших: Ярослав и его брат, двое братьев, сыновей некоего Казари, и еще несколько человек⁵¹. Во-вторых, их земли разбросаны по разным деревням — Бела́й (Belay), Рачник (Raccinico), Ясенове (in Jassenemo). В-третьих, и это самое важное, их всех объединяет общее право распоряжения землей. Оно проявлялось в том, что *parentes* распорядились отдать пострадавшему (Петру Черному) всю наследственную землю (*totam hereditatem*), в которой можно видеть либо «баштину» Людина, либо баштину всего коллектива родственников⁵².

В первом случае эти права можно рассматривать как право своего рода верховной собственности родственной группы на землю отдельного ее члена, во втором — как собственность вполне реальную, цементирующую единство этой группы (последнее предположение нам кажется предпочтительным). Таким образом, *parentes* явно не ведут общего хозяйства, но обладают общими имущественными правами (правом контроля) на землю⁵³.

В Супетарском картулярии есть свидетельство о том, что какие-то «славяне Адрианичи» (*Scavi Adrianiki*), а именно Продан с родственниками (*cum parentibus suis*) стали требовать от аббатства возврата земель местности Стубица. И снова здесь просматриваются широкие родственные связи, неотделимые от совместных прав на землю: Андрианичи добиваются спорных земель именно потому, что принадлежат к числу *parentes* (*pro parentato suo*), полагая, что это дает им право на наследственное владение (*hereditario iure... possidere volebant*)⁵⁴. Родственная близость в среде *parentes* совмещается с понятием совладения: Миха из Стареча вместе со своими родственниками и совладельца-

⁴⁷ Любопытная подробность: Века тоже действует не вполне самостоятельно, однако не с опекуном, как пристало женщине по нормам римского права, а в окружении родственников, с которыми она является на суд (Doc., № 128, огр. 154) — свидетельство того, как глубоко проникли большесемейные отношения в жизнь романизированного населения Далмации. Об этом же см.: Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 155 и сл.

⁴⁸ О. Мандич полагает, что земля поступила королю в качестве выморочного имущества, по отношению к которому родственники не утратили права предпочтения (О. Мандич, *Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj*, стр. 259).

⁴⁹ Doc., № 133, стр. 169, § 36.

⁵⁰ SK, № 91—93. Об этом казусе см.: О. Мандич, *Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj*, стр. 258; Е. А. Ефремов, Указ. раб., стр. 308—309; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 172—175.

⁵¹ Ю. В. Бромлей безусловно прав, видя в составе *parentes* Людина людей по меньшей мере двух поколений (Ю. В. Бромлей, Указ. раб.).

⁵² Первую точку зрения защищает Ю. В. Бромлей (Указ. раб., стр. 173, прим. 180, 174), вторую О. Мандич (*Bratstvo*, стр. 258) и Е. А. Ефремов (Указ. раб., стр. 308).

⁵³ Остается добавить еще, что Людин, входящий в состав этой родственной группы, не рядовой землевладелец: он владеет виллой, стадом свиней в 300 голов и использует труд рабов (SK, 91—92, 97).

⁵⁴ SK, № 97. Неясное упоминание о «*parentatus*» (*de parentato communi*) содержит один акт из Трогира (TS, III, 207—208).

ми (*cum omnibus meis participibus*) дарит землю около с. Врбница, которой все они владеют совместно (*quod simul omnes nos habemus*). Среди них находятся и менее крупные родственные группы, например, священник Лука «с братьями», Привич с двумя сыновьями, т. е. несколько больших семей⁵⁵. Акты еще более позднего времени подтверждают наличие в составе *parentes* (или *parentella*) ряда лиц, не связанных между собой близким родством. Такова например, *parentella* Немовлащина в окрестностях Трогира, в составе которой упомянуты 8 человек, лишь между двумя из которых можно обнаружить родство (дядя с племянником)⁵⁶. Дальнее родство не мешает членам *parentell*'ы располагать общей наследственной собственностью на землю (*patrimonium*), которую они совместно защищают перед трогирским судом⁵⁷. Как развиваются родственные отношения между членами *parentella*, показывает еще один пример из трогирской округи. На вопрос городского землемера об их происхождении, крестьяне ответили, что некогда они принадлежали к *parentella* Незнащина, но со временем родство стало настолько далеким, что они стали заключать браки между собой⁵⁸. Из этого свидетельства, которое еще не привлекало внимания исследователей, следует, во-первых, что *parentella* была экзогамным организмом и, во-вторых, что в родственных коллективах с каждым новым поколением происходил процесс расширения и постепенного удаления родства. Логически проследив этот процесс в обратном направлении, мы должны будем признать, что в основе происхождения групп *parentes* (*parentella*) лежал сравнительно узкий родственный коллектив — семейная община. Наблюдения над характером родственных коллективов в судебных актах XIII—XVI вв. подтверждают эту мысль.

Винодолский закон (1288 г.) устанавливает существование «ближников», выступающих в той традиционной роли, которая свойственна коллективу сородичей в любом раннефеодальном обществе: они получают половину виры («вражды») за убитого (ст. 29) и платят половину виры (ст. 31)⁵⁹. В их состав входят все родственники общинника, за исключением нисходящего звена, наследников; таким образом, категория «ближников» в Винодоле оказывается широкой родственной группой (от родных братьев до самых дальних родственников). Она, несомненно, сход-

⁵⁵ CD, II стр. 290 (1198). Павел, сын Любе дарит землю монастырю Козмы и Дамиана вместе со своим племянником Дешей и всеми его «совладельцами» (*cum omnibus meis participibus*). На наш взгляд, далматинским *participes* аналогичны *sortes* из южной Истрии (из-под Пулы) XII в. (см. С. de Franceschi, Указ. раб.).

⁵⁶ Стоян Дайбоге (Дайбоже); его племянник Стояне, сын Будены; Стайне — племянник Ретибора; Марин Матвеев; Станче, племянник Домолота, Иван, сын Содини Гричан, сын Спарупти; Богдана, дочь Сфенари (TS, I, 413). Отметим, что почти у половины обозначены не родители, а дядья, эта система родства и упоминается в первую очередь. Не доказывает ли это существование пережитков аванкулата? см. S. Kulšić O problemu avunkulata, «Pregled», Sarajevo, 1960, стр. 227—231; его же, Tragovi rodovske organizacije, стр. 27—29; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 164.

⁵⁷ Вот еще один пример наследственной собственности, возможно, находящейся в распоряжении семейной общины. Двоюродные братья, сыновья Богдана и Корамы, и дер. Смина защищают землю, доставшуюся им от предков (*a suis predecessoribus eis dimissas... hereditario nomine*). Характерно, что вместе с братьями упомянуты и их племянники, сыновья их двоюродного брата (TS, I, 46). Если это и семейная община, то достаточно широкого состава.

⁵⁸ M. Horvat, Das Trogir «Zavod» — Buch vom Jahre 1326, «Studien zur ältesten Geschichte Osteuropas», Bd. I, Graz — Köln, 1956, стр. 48.

⁵⁹ Архаику в положении «ближников» в свое время отметил и М. Костренчич, он называл этот порядок распределения «вражды» родоплеменным (M. Kostrenčić, Vinodolski zakon, «Rad», knj. 227, 1923, стр. 201). Н. Кляич отвергает представление об архаике статей 29 и 31 Винодолского закона (N. Klačić, Pitanje društvenog uređenja kvrnerskih općina u novijoj literaturi, «Zgodovinski časopis», letnik XII—XIII, Ljubljana, 1959, стр. 48—49). Замечания о «ближих» см. у В. Чубриловича, Терминология племенского друштва у Црној Гори, «Посебна издања САН», Београд, 1959, стр. 33.

на с «парентеллой», в этом нас убеждает порядок, принятый на о-ве Брач. Здесь вира (также именуемая «враждой») делится в соотношении: 1/3 — князю острова, 1/3 — вдове и наследникам, 1/3 — parentell'e⁶⁰. В сходном качестве выступают «ближики» в Врбанском судебнике, здесь из их числа выбираются соприсяжники⁶¹. Более четко подразделяет родственников Полицкий статут: он сообщает о «братьях ближних и дальних» и «ближихах», одинаково входящих в состав большой семьи, располагающих равными имущественными правами при ее разделе. Нам кажется, что можно выделить три категории родственников («братьев») из числа упомянутых в Полицком статуте: 1) «ближние», «присные» (ст. 33, 36a) — сравнительно узкий круг родственников; 2) «не прем присные» (ст. 36b) — не родные братья; 3) «дальние», «вервные» (ст. 33, 36c, 62) — возможно, входящие в состав «не прем присных». И те и другие и третьи, хоть и не в одинаковой мере, являются сонаследниками, располагая правом на землю в наследственной пашне — «племенщине»⁶². (Ср. «Если бы кто убил «ближнего» или «вервного», чтобы получить племенщину, которая ему причиталась бы по праву наследования...» — ст. 36c). Для широкого круга родственников эти права на землю выражаются не столько в наследовании племенщины, сколько в праве предпочтительной покупки (праве «првокупа», как принято писать в югославской литературе), и выкупа земли⁶³. Так, родственники и только родственники обладают в Полице правом предпочтения. «Если кто-либо из «ближних» хочет выкупить, пусть выступит...» (ст. 51a), «...Если есть «ближний», он волен выкупить [уже проданную землю] в течение года» (ст. 51b), «Если найдется «ближний», который ближе того, кто уже выкупил землю... имеет право выкупить ее у купившего» (ст. 51c). Родственник имеет право не только на предпочтительную покупку, но и на предпочтительный обмен земли (ст. 52b)⁶⁴. Таким образом, Полицкий статут чутко улавливает ступень родственных связей, выстраивая «ближних» по нисходящей лестнице имущественных прав. В нем выступают новые — по

⁶⁰ TS, I, 475 (1273).

⁶¹ Мы сознательно ограничиваемся в предстоящем изложении лишь несколькими замечаниями по вопросу о верви в Полицком статуте, столь обстоятельно рассмотренном М. О. Косвенем (Указ. раб., гл. IV «Верьв Русской Правды и Полицкого статута», стр. 133—167). Нас будут интересовать главным образом другие категории родственников. Попутно отметим, что знакомство с новейшей югославской этнографической литературой, где термин «род» употребляется для обозначения не родственной группы, а системы родства (см., например, N. F. Pavković, *Društvene i običajno-pravni ustapove* (u Umljanima), (GZM, Etnologija, 1962, стр. 121) укрепляют нас в мнении, что понятие «вервь» обозначало связь, порожденную разделом семейной общины, патронимический же коллектив, возникший в результате этого раздела, следовало бы называть «вервными братьями».

⁶² См. также ст. 62, где «братия ближняя или дальняя или вервная» в одинаковой мере выступают в качестве претендентов на племенщину, или ст. 80 a, в которой «вервные братья» являются совладельцами-долящиками («диониками») земли.

⁶³ Мы отвергаем толкование этого права как «универсального правового института», порожденного тем, что земля была главным источником материальных благ (см. I. Milić, *Porijeklo prava bližike na prvokup i otkup nekretnina*, HZ, V, стр. 308); того же мнения, что и И. Милич, держится Н. Клаич в «Нови радови», стр. 338—339 и рецензии на нашу работу о «верви» — «Jugoslavenski istorijski časopis», Beograd, 1962, стр. 104. О праве выкупа в раннесредневековой Хорватии см. Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 168—172 (в частности, интересные наблюдения над фактом выкупа, совершенного Петром Черным).

⁶⁴ Очевидно, это же право выкупа имеет в виду 6-й капитул Врбанского закона, где сказано, что «выкуп может совершить каждый... вначале мужчины, а затем женщины». Заслуживают внимания еще и сведения Трстатского судебногоника 1640 г. о том, что «землю, о которой не сделано объявления, всегда можно выкупить...» (Trsat. St. § 50, MHJSM, IV, 1890) и «чтобы выкупить землю по объявлению, всегда первым является местный житель» (Trsat. St. § 51).

сравнению с Винодолским законом — черты родственных коллективов. Во-первых, в составе широкой родственной группы («братьев», «ближних»), намечаются четкие градации; во-вторых, удается внутри этой группы выделить коллектив, ведущий совместное хозяйство и, естественно, располагающий правом коллективной собственности на землю. Это, как правило, большая семья, задруга, включающая в свой состав братьев «ближних» и «дальних», но не вервных. В-третьих, родственники, даже стоящие на разных ступенях родственной лестницы — «ближние» («присные»), «дальние» («не прем присные») и «вервные», и не ведущие совместного хозяйства, тем не менее располагают правом общего контроля над родственным имуществом (сонаследование, предпочтительная покупка, выкуп, обязательное согласие на отчуждение земли)⁶⁵.

Новиградский сборник рисует значительно более сузившийся родственный коллектив, это семейная община всего из трех поколений⁶⁶. Тем не менее и здесь действует право предпочтения: «Человек, который имеет виноградник на чужой земле и продает его, должен прежде всего спросить хозяина... или его близкого родственника...» (Novigr. Zb. 21). Других категорий родственников, которые могут претендовать на землю, здесь нет. Это сужение круга родственников, пользующихся правом предпочтительной покупки, служит показателем сравнительной узости большой семьи.

Рассмотрение материала судебных книг XIII—XVI вв., относящегося к области родственных отношений, позволяет судить о том, что в Далмации в это время сохраняется семейная община (пусть даже сравнительно узкого состава) в качестве признанного института народной жизни. Более того, именно эта община оказывается ядром родственных групп, располагающихся вокруг нее своего рода концентрическими кругами («братья не прем присные», «братья вервные»). «Ближики», *parentes*, *parentellae*, «вервные братья» — все эти термины оказываются обозначением одних и тех же коллективов, известных в более позднее время под названием «братство»⁶⁷ и являющихся не чем иным, как средневековыми патронимиями.

Их происхождение, как всякой патронимии, связано с распадом семейной общины, их скрепляют такие совместные имущественные права, как сонаследование, право предпочтительной покупки и выкупа имущества, обязательное согласие на отчуждение земли и общее имя. Остается выяснить еще степень территориального единства членов братства.

В этой связи придется вспомнить дискуссию о «двенадцати племенах», недавно прошедшую в хорватской исторической литературе⁶⁸. И в ходе этой дискуссии, и в предшествующих работах хорватские исследователи отмечали соотношение между родственным коллективом («братством») и территориальной общиной⁶⁹. Для нас особенно важно отмеченное исследователями отсутствие определенной территории патронимии («племени», «братства») ⁷⁰. Ю. В. Бромлей отметил, что в окрестностях Задара представители отдельных «племен» были перемешаны друг с другом и с населением, жившим вне рамок «племенной» организации⁷¹. В полемике

⁶⁵ Именно эти архаические правовые институты — право предпочтительной покупки, право родового выкупа и необходимое наследование называет М. О. Косвен в качестве важнейших черт поличной вервы (Указ. раб., стр. 142).

⁶⁶ М. М. Фрейденберг, «Новиградский сборник», стр. 47.

⁶⁷ См. J. Вукмановић, Паштровићи, гл. VI, XII.

⁶⁸ См. прим. 5 настоящей статьи.

⁶⁹ O. Mandić, Bratstvo, стр. 274.

⁷⁰ Н. Клаич отмечает, что в XIV в. «племена» не представляли замкнутого территориального целого (N. Klaić, Tzv. «pacta conventa», стр. 113).

⁷¹ Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 189—193.

с Б. Д. Грековым М. О. Косвен развил мысль о том, что вервь не совпадает с сельской общиной, а является только частью села, и обосновал в теоретическом плане возможность существования территориально разбросанных патронимий⁷². Эти мнения можно дополнить еще одним соображением. Наблюдения над характером общинной собственности на леса, луга, выпасы подводят к твердому убеждению в том, что это право в XIII—XVI вв. находится в руках соседских общин. Именно эти общины в Полице и Новиграде, на острове Крк и на северных берегах Кварнерского залива (в районе Кастава) пытаются остановить переход общинных лесов и выгонов в индивидуальную собственность и путем запретов сохранить их в общинной собственности⁷³. Патронимии же в это время не располагают собственной общинной землей. Поэтому, если они и являются территориальными общинами⁷⁴, то эта территориальная связь — особого свойства, она сводится к обладанию лишь одним видом территории — наделом, «племенщиной». Контроля (или совместного пользования или коллективной собственности) над общинными угодьями здесь нет, и это зачастую объясняется тем, что в общинах-патронимиях нет и соседства. Домохозяйства, входящие в состав этих патронимических общин, не обязательно располагались рядом друг с другом, они могли быть рассеяны по разным деревням (существовали и другие варианты), будучи вкраплены в состав различных соседних общин. Если соседские общины, общины-марки, которые мы будем считать первым типом общинной организации в хорватской деревне, имеют в своей основе компактные земельные массивы, то общины второго типа, общины-патронимии являются как бы сетью, накинутой на общины-марки. Общины-патронимии, которые мы выделяем в особый тип общинной организации в средневековой Хорватии, существуют таким образом самостоятельно, не совпадая с соседскими общинами, а сосуществуя и переплетаясь с ними.

SUMMARY

The written sources of the early medieval history of Croatia testify to the fact of the existence of kin groups including lineal and collateral brothers as well as more distant relatives. Although some documents lack evidences of the common economic activities of such relatives, there are traits of household communities existing chiefly in «phratriarchal» form. Household communities and kin groups holding rights on land are met with not only in the countryside but in towns too, thus reflecting the fact that urban conditions are not incompatible with large family system. Such kin collectives, especially phratries (parentes) can be defined as patronymic groups originating in the segmentation and disintegration of large family. Common property rights (such as coinheritance, preemption and redemption of property, obligatory consent to the alienation of land etc.) and common patronymics are different aspects of the unity of such a group. Phratries, however, had as a rule no common land because incorporated households could be dispersed in different villages. Thus patronymic groups as a definite system coexisted with rural (neighbour) community but didn't merge with it.

⁷² М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 106, 156.

⁷³ Полицкий статут (Б. Д. Греков, Полица, М., 1951, ст. 56a, 59a, b, c); Врбанский (МНЈСМ, IV, 1890, стр. 143—173, стр. 33, 160, 161); Каставский (МНЈСМ, IV, стр. 181—207, § 40, 44, 45); Веприначский (там же, § 27, 32); Мошеницкий (Мошеницкий статут, ed. K. Kadlec, Praha, 1914, § 40); Новиградский сборник (М. Варада, Starohrvatska seoska zajednica, Zagreb, 1957 — см. выше Novigr. Zb. — стр. 147—177 — § 16 a, 51—53, 56 a). См. также О. Мандић, Slobodni seljaci Kastavske gospoštiji, «Riječka revija», Rijeka, 1953, 1—2, стр. 35 и сл.; Н. Клаић, Pitanje društvenog uređenja, стр. 242—254; О. Мандић, Kmetovi u općinama oko Kvarnera od XIII do kraja XVII stoljeća, «Zbornik Historijskog instituta JAZU», sv. 5, 1964, стр. 153—206.

⁷⁴ М. О. Косвен, Указ раб., стр. 106.